

Е. В. Бурлуцкая (Банникова)

«...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи

Статья посвящена такой сфере профессиональной занятости горожанок пореформенной эпохи, как работа прислугой. Основное содержание опирается на материалы Оренбургской губернии рубежа XIX—XX вв. В качестве исторических источников используются данные статистики, нарративы, архивные документы, периодика начала XX века, художественная литература. В работе исследуется преимущественно трудовая сфера повседневности домашних работниц. Автор констатирует высокую степень женской занятости в этой сфере обслуживания. Выявляются источники конфликтов, возникающих между прислугой и хозяевами, трудности и проблемы профессиональной деятельности прислуги. Делается вывод о существенных различиях в повседневности различных категорий домашних работниц.

Ключевые слова: повседневность, горожанки, пореформенный период, труд, женская прислуга.

Женская прислуга в Оренбургской губернии пореформенного периода еще ни разу не становилась предметом научного обсуждения. Причем данное обстоятельство нельзя назвать региональной спецификой. Так, В. А. Веремко в своей статье, посвященной домашней прислуге в дворянских семьях на рубеже XIX—XX вв., отмечает, что в последнее время, «казалось бы, все сколько-нибудь значимые в истории социальные группы подверглись самому пристальному изучению», и «только “лица, занятые в услужении”, так и не попали на страницы научных книг» [3, с. 181—182].

По версии О. Б. Вахромеевой, характер деятельности женщин, состоящих на какой-либо службе, различался «крайним образом (например, на одной ступени стоял труд чиновниц, на другой — кухарок). Служащие, чье право на труд было определено в законах, имели перспективы карьерного роста (повышение разрядов и годового жалованья), что сказывалось на их стабильном уровне жизни. Напротив, постоянную нужду испытывали те, кто был вынужден, находясь на нижней ступеньке социальной лестницы, постоянно доказывать свое право на труд» [2, с. 9].

Единственной работой иностранного автора, посвященной женской прислуге в пореформенной России, является монография А. Рустемейер «Прислуга в Петербурге и Москве, 1861—1917: истоки, будни, социальная роль». По словам А. Р. Клоц, «Рустемейер признает, что институт домашней прислуги в России оставался “бастионом доиндустриального общества”... в котором сохранялись патриархальные отношения, характерные для эпохи крепостного права» [14, с. 78].

В. А. Веремко посвятила женской прислуге целую серию своих публикаций [3—8], в которых исследовались вопросы взаимоотношений кухарок и горничных со своими хозяйками, их положение в доме, диапазон занятий, способы найма и другие аспекты повседневности данной категории женского населения. В основном рассматривались ситуации, происходившие с прислугой в дворянских семействах столичного региона. Тем не менее обозначенные В. А. Веремко проблемы были характерны для всех российских губерний.

Из-за возросшего спроса на прислугу в пореформенный период женский труд в сфере обслуживания приобрел весьма заметные масштабы. Так, согласно переписи населения Российской империи 1897 г., в городах Оренбургской губернии прислугой и поденщицами работал 41% от всего занятого женского населения губернии. Такой же процент пока-

© Бурлуцкая (Банникова) Е. В., 2018

зали и общероссийские данные [3, с. 182]. По уездным городам этот показатель отражает таблица 1.

Таблица 1

Горожанки Оренбургской губернии, работающие прислугой и поденщицами, чел.

Источник доходов	Оренбург	Орск	Челябинск	Троицк	Верхнеуральск	Илецкая Защита	Всего	В % ко всему занятому женскому населению губернии
Работники сферы обслуживания								
Прислуга, поденщики	2863	162	1157	869	261	121	5433	41,0
Всего занято в сфере обслуживания	3344	203	1382	1079	307	137	6452	48,7
Всего женщин, имеющих самостоятельные занятия	7235	576	2324	2127	681	305	13 248	100,0
Процент женщин, работающих прислугой, в общей массе занятых женщин	39,6	28,1	49,8	40,9	38,3	39,7	41	

Источник: [21, с. 108—111].

Больше половины поденщиц и прислуги находилось в Оренбурге (2863 от общего числа в 5433 человека). Город представлял собой средоточие чиновничества и офицерства, нуждающегося в ежедневном обеспечении своих повседневных нужд. В силу этих обстоятельств прислуга в Оренбурге была весьма востребована. Кроме того, этот род занятий не требовал от женщины ни специальных знаний, ни профессиональной подготовки. В ситуации, когда лишь 32% городского женского населения Оренбургской губернии была обучена грамоте [25, с. XVII], выявленные показатели представляются вполне объяснимыми.

Однако по исследуемому параметру Оренбург находился далеко не на первом месте в регионе. В Челябинске, к примеру, женская прислуга составляла почти половину от самозанятых женщин. Город был крупным переселенческим пунктом, через который огромные массы народа шли дальше, в Сибирь. Женщины-переселенцы в силу различных обстоятельств иногда оставались на жительство в местах транзитных остановок, не имея средств или возможностей двигаться дальше. Отсутствие специального образования приводило к тому, что представительницы слабого пола чаще всего устраивались на работу, сопряженную с привычными и знакомыми действиями: приготовлением пищи, уборкой, стиркой, присмотром за детьми. По словам И. В. Синовой, причины расширения профессиональной занятости женщин заключались также «в относительной дешевизне для хозяев женского труда и отсутствии с их стороны активных форм борьбы за свои права» [24, с. 20].

В сочинении «Переселенцы и новые места» (1894) В. Л. Кигна-Дедлова, в 1891—1892 годах служившего чиновником особых поручений МВД по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области, говорилось о переселенке-прислуге — «уродливой бабе» Ильинишне, которая ушла с мужем из родных мест где-то на Тамбовщине. На новом месте их постигла неудача. По словам Ильинишны, «шли мы в Бийский,

дошли до Троицка: он тут в мешане определился, да и запил. Да девятый год и пьет. Я и не вижу его, ирода!» [11, с. 76].

Прислугой Ильинишна, по словам Кигна-Дедлова, была дрянной. Она, как и ее «коллега» Исак, «вечно где-то отсутствовали или всегда были чем-то заняты. Нужно послать на почту — Исак рубит мясо для кур. Велишь закрыть ставни — Ильинишна ушла поскопать белье. Кроме того, оба были или притворялись дурковатыми...» [там же].

Еще одна девочка-подросток — Ольга Самохина — была дочерью переселенца. Отец пил, и, для того чтобы хоть как-то сводить концы с концами, девочку устроили прислугой, нашли ей место няньки. Но когда пришла пора получать жалованье, «явился папенька Ольги. Мужик высокий, сухой, в рваной куртке, на ногах опорки, на голове гимназическая фуражка. И добродушный, в сущности, мужик, но беспробудный пьяница». Он затребовал деньги себе, а когда ему отказали, «он выбил в кухне окна и погнул самовар. Ольгу, разумеется, отправили, и она вернулась в переселенческий дом» [12, с. 173—174].

Несмотря на то что профессиональные качества прислуги не всегда достигали приемлемого уровня, спрос на нее во второй половине XIX века только вырос. Дворяне, существенно снизившие свой уровень благосостояния после отмены крепостного права, «больше не могли содержать дорогостоящую квалифицированную прислугу» или пользоваться трудом лично зависимого от них крестьянства, «но и отказываться от услуг домашних работников они не хотели... Теперь дворяне искали дешевых и без специализации наемных рабочих» [23, с. 78]. Одновременно рост числа и достатка мелких чиновников, предпринимателей подталкивал эти группы горожан к поиску собственной прислуги. В результате спрос на рынке домашних услуг значительно вырос.

В столице губернии спрос на прислугу зачастую превышал предложение, что крайне негативно сказывалось на ее отношении к своим обязанностям. Как писал М. Михайлов, «главное неудобство здешних семейных квартир то, что кухни помещаются на другом конце двора, где прислуга, *крайне здесь избалованная* [выделено мной. — Е. Б.], живет по-своему. На подобных заочных кухнях постоянные сборища всякого сброду» [17, с. 28]. Ему вторил Ф. И. Лобысевич: «Захотите иметь повара, кухарку, лакея, кучера не пьяниц — останетесь только при одном желании — таковых у нас не имеется» [16, с. 20].

Основная доля женской прислуги (38,6%) в Оренбургской губернии приходилась на женщин в возрасте 20—39 лет (4387 жен. по губернии). Примерно столько же (4234 из 11 365) были девочками и девушками в возрасте до 19 лет (37,3%). На прислугу в возрасте 40—59 лет приходилось 18,9% женщин этой группы занятий. Еще 6,1% были женщинами старше 60 лет [21, с. 106—107]. Преимущественно молодой возраст прислуги неизбежно приводил к тому, что многие из них подвергались сексуальным посягательствам со стороны хозяев-мужчин.

Так, к примеру, жительница Орска Екатерина Аристарховна Афанасьева, объясняя в консистории в рамках бракоразводного процесса с мужем, орским мещанином Иваном Максимовичем Афанасьевым, причины своего прелюбодеяния, показывала, что к своему нынешнему сожителю, орскому купеческому сыну Даниле Николаевичу Мелехову, она сначала «поступила в стряпухи, после того, как выгнал меня муж, а потом я стала с ним жить и прижила от него ребенка» [9, л. 16].

Другая женщина, жена троицкого мещанина Хрисанфа Моисеевича Старосельцева Устинья Васильевна, вступила в «любовную связь» с крестьянином Андреем Столбовым, когда шила на заказ ему рубашки, а работая стряпухой в пивной лавке «бессрочно-отпускного рядового из крестьян» Петра Андреева, вела «самую разгульную жизнь, тут же в пивной действительно имела прелюбодейную связь с разными мужчинами русскими и татарами» [10, л. 58 об., 72 об.].

В 47 номере журнала «Огонек» за 1908 г. были опубликованы рассуждения г-жи Н. Б. Северовой (литературный псевдоним Натальи Нордман, невенчанной жены Ильи Репина) о жизни домашней прислуги в Российской империи начала XX века. Наряду с различными сторонами жизни «кухарок, горничных и лакеев» автор остановилась и на проблеме вольного обращения хозяев со служанками: «Когда мы прикажем, наша молодая горничная должна подавать мыться нашим мужьям и сыновьям, носить им в кровать чай, убирать их постели, помогать одеваться. Часто прислуга остается с ними совсем одна в квартире и ночью по возвращении их с покоек снимает им сапоги и укладывает спать. Все это она должна делать, но горе ей, если на улице мы встретим ее с пожарным. Но горе ей еще больше, если она объявит нам о вольном поведении нашего сына» [13].

Изложенные факты подтверждаются и В. А. Веремченко, которая утверждала, что в результате преследований со стороны хозяина дома, его взрослого сына, гостей или кого-то из слуг-мужчин «бывшая прислуга составляла до половины легальных проституток, а продолжавшие служить — до половины тайных» [5, с. 39]. В 1889 г. Центральный статистический комитет МВД организовал перепись легальных проституток в рамках всей России. Собранные информация вскоре была издана. Таблица 20 этого статистического издания, посвященная роду занятий женщин до их обращения к проституции, свидетельствовала, что в Европейской России большинство из них (46%) работали домашней прислугой [22, с. 74].

Однако автор фельетона «Господа и прислуга», опубликованного в «Оренбургской газете» в 1901 г. [20, с. 2—4], утверждал, что девушка-прислуга, как правило, вступала на путь порока добровольно. В Оренбурге «горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба», — писал, по сути, об этом же Ф. И. Лобысевич [16, с. 20].

Служанка, по мнению журналиста, могла подвергнуться насилию только там, «где прислуга не одна, а имеются в наличности кучера, лакеи, дворники и т.д., или наконец там, где прислуга-девушка живет у одинокого холостого человека или в №№ разных отелей и гостиниц, с массой приезжей публики, среди которой немало попадает людей совершенно безнравственных или таких, которые смотрят на номерную женскую прислугу как на людей, потерявших уже честь, а потому и легко соблазняемых деньгами и подарками» [20, с. 2].

При этом сама прислуга требовала к себе отношения весьма нежного. Автор уже упомянутого выше фельетона утверждал, что «бить прислугу теперь совсем уж невыгодно, во-первых, она тотчас же очистит место, во-вторых, может сама дать сдачи, и в-третьих — господа гораздо более нуждаются в прислуге, чем последняя в господах». Современная оренбургская прислуга уходила от хозяев чаще всего потому, что была «очень уж *скуплива*». Одна «любит веселое общество, — другая семейные скандалы, — и если этого нет — прислуга скучает и ищет развлечения там, где это для нее доступно: напр. в обществе своих же товарок или лакеев, кучеров и т.д.» [там же].

Современная автору фельетона прислуга была очень далека от идеала. «С глубоким сожалением вспоминаем мы теперь об исчезнувшем типе прежнего верного слуги, душою стоявшего за своих господ, — сетовал автор. — Иногда среди беспорядочной толпы современной наемной челяди, жадной до подарков и свободной от законов совести, изредка попадает прежний крепостной человек с сохранившимися еще привычками к прежней дисциплине. С какой жадностью ухватываемся мы за этого человека, все еще помнящего, как говорится, страх Божий!» [там же].

По воспоминаниям Екатерины Александровны Дегтяревой (бабушки автора), представительницы оренбургской купеческо-мещанской семьи Дегтяревых, в семье ее тетки

Веры Дмитриевны Дегтяревой обращение прислуги с хозяйкой было весьма вольным. Время от времени между Верой Дмитриевной и ее горничной Малашкой вспыхивали ссоры, во время которых обе женщины выясняли отношения на повышенных тонах. И, как утверждала Екатерина Александровна, неизвестно, кто из них кричал громче.

В уже упоминаемой ранее статье журнала «Огонек» 1908 г. был приведен весьма интересный диалог, объясняющий подобное поведение прислуги: «— Как же это возможно, чтобы не окрыситься, — говорила мне другая, более опытная кухарка. — Без того никак нельзя. Как это ожгешь барыню словом, так и отступится. А то хуже лошади загоняет» [13]. В целом ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX—XX столетий в отношениях между прислугой и хозяевами, можно охарактеризовать как тихую войну. Как отмечалось в прессе начала XX века, в этой «непрерывной войне у домашнего очага, которую ведут обе эти враждебные стороны, нет победителей: развращающее влияние крепостничества гнетет и поработенных и поработителей. Первые чувствуют себя окруженными врагами, вторые мстят за унижение хитростью и предательством» [там же].

Российская интеллигенция на рубеже веков стала активно интересоваться проблемами рабочего люда и заниматься вопросами его бытового и нравственного благополучия. В то же время прислуга смотрела на это скорее как на «излишнюю барскую затею господ и вместе с тем, хорошо зная, что господа физически малоспособны для чернорабочего труда», эксплуатировала «своих господ как только ей угодно!». «Попробуйте-ка не отпустить прислугу, когда она настоятельно того требует! И вы останетесь без прислуги, потому что ни тяжелое семейное положение, никакие просьбы не остановят уход прислуги, раз она заблагорассудила переменить место. Теперь скорее живут в прислугах дольше там, где господа махнули на все рукой, ни во что не вмешиваются и только просят прислугу возвращаться домой поскорее и в приличном виде», — констатировал автор [20, с. 3].

Прислуга бросала своих хозяев в «самую тяжелую минуту», беспричинно требовала большего жалованья, отдельного помещения для проживания, в то время как «сами господа-наниматели жмутся в тесных комнатах, платя, однако, безобразно высокие цены, в особенности в настоящее время в Оренбурге» [там же]. Не брезговали служанки и другими приемами «кухонных войн»: мелким воровством продуктов, утайкой части денег от сдачи с покупок, плохим исполнением своих обязанностей и т.п. [3, с. 189; 23]. Требовалось непрерывно контролировать кухарок и горничных, чтобы они не потратили лишнюю хозяйскую копейку или не воспользовались хозяйскими вещами. По этой причине в конце XIX — начале XX века было издано множество пособий и руководств для домашних хозяек. В одном из них автор утверждала, что при помощи ее книги «вы несколько не станете зависеть от произвола наемной кухарки, а вам будет нужна только женщина, которая точно бы исполняла ваши приказания. Средство для этого — постоянное наблюдение хозяйки за кухаркою...» [15, с. VIII].

Горожане, пользующиеся услугами домашних работников, искали пути выхода из сложившейся ситуации. Автор все того же фельетона предлагал целый комплекс мер, направленных на упорядочение взаимоотношений хозяев и прислуги. В перечень того, что необходимо сделать, входила организация прислуги в особую корпорацию, установление за ней специального надзора, создание конторы для найма прислуги, документальное фиксирование условий найма. За недобросовестное выполнение этих условий предполагался штраф виновного — как прислуги, так и хозяина. За преступление «против чести и имущества своих господ» прислуга должна была отвечать по законам, которые «несомненно, должны быть строже, чем для прочих» [20, с. 4].

В художественной литературе образы женской прислуги встречаются нечасто. В основном это наперсницы своих хозяек, посвященные в ее любовные интриги. Более подробное описание этой категории работающих женщин можно встретить в довольно неожиданном месте. Интереснейшая повесть Дины Бродской «Марийкино детство» была написана в начале 1930-х гг. Однако возраст автора позволяет предположить, что книга опиралась на ее детские воспоминания. Так, в книге речь идет о живущей в одном из городов Полтавской губернии девочке Марийке, дочери бедной прислуги Поли и еврея-часовщика Соломона Михельсона, умершего за шесть месяцев до ее рождения.

На страницах повести можно обнаружить различные категории прислуги — няньку, поденщицу, «прислугу за все», горничную. Они жили в различных условиях, выполняли разный объем работы, к ним предъявлялись разнообразные требования. Обязанности няньки были не слишком сложными, но тяжелыми физически. Работа нянькой в деревне не предполагала особого протокола для воспитательных практик. По словам автора, она «таскала на руках крестьянских ребят, набивала им рты жеваным хлебом и, если они орали, забавляла их тарактелками из свиного пузыря, в котором гремели камешки» [1, с. 9—10]. Главное, чтобы дети, ей порученные, были под присмотром, пока их родители работали в поле.

Горничные находились в привилегированном положении — они были хорошо одеты («маленькая чистенькая женщина в передничке с кружевцами» [1, с. 4]), приближены к хозяевам дома и считали себя почти членами семьи. Как писала Бродская, горничная Катерина «обожала доктора так же сильно, как ненавидела его жену. Служила она у доктора Мануйлова тринадцать лет и в письмах к нему подписывалась: “Ваша раба Катерина Шишкова”. Катерина любила вспоминать те времена, когда доктор был еще не женат и она три года заправляла всем домом, как полная хозяйка» [1, с. 6—7].

Обязанности горничных были не слишком обременительны в отличие от поденщиц, вынужденных выполнять самые грязные работы: «стирать пропитанное заводской копотью белье, отчищать заскорузлые кастрюли, отскабливать затоптанные, заплыванные полы» [1, с. 13—14].

Положение «прислуги за все» тоже было незавидным. Ее рабочий день продолжался до 20 часов, а в обязанности входило приготовление пищи, прислуживание хозяевам за столом, содержание в порядке одежды и обуви, походы на базар за продуктами и в лавки за газетами или папиросами, уборка комнат, встреча хозяев и гостей после ночных увеселений и пр. «“Будильника-то нет, так поминутно с 4-х часов просыпаешься, боишься проспать”. <...> К 12 часам ног не слышишь, ткнешься на плиту, только заснешь — звонок. Одна барышня домой вернулась, только заснешь, кадет с балу, и так всю ночь, а в шесть-то вставать — битки рубить», — описывала свой день молодая девушка-прислуга [13].

В зажиточных домах между слугами существовало разделение обязанностей. Горничная обеспечивала комфортный быт своих хозяев, выполняя мелкие домашние работы: помогала хозяевам с туалетом, следила за состоянием одежды, накрывала на стол, занималась ежедневной уборкой. Кухарка была ответственна за приготовление пищи. Няня присматривала за детьми. Как пишет в одной из своих статей В. А. Вереманко, «умелая прислуга, как правило, была дорогой и специализированной. Требуя за свой труд значительной оплаты (7—8 р. — горничная, 10—12 р. — кухарка, а взятая к нескольким разновозрастным детям няня — до 20 р. в месяц), она соглашалась выполнять только строго определенные функции. На работу же “одной прислугой” нанимались большей частью те, кто не обладал достаточным уровнем квалификации ни в одной из сфер» [8, с. 318].

В то же время общей практикой все же становилось сокращение числа прислуги в доме до 1—2. Если в дореформенный период женский надомный труд включал в себя бо-

лее десятка различных самостоятельных «специальностей» [5, с. 37], в пореформенную эпоху ситуация значительно изменилась. На плечи «прислуги за все» теперь возлагались самые разные обязанности, объем их работы вырос многократно, что не могло не вызвать общего снижения качества выполняемой работы.

Если служанка плохо готовила обеды — это еще половина беды. Гораздо опаснее была неспособность обслуги управиться с хозяйскими детьми. В «Оренбургской газете» за 1901 г. был размещен ряд объявлений, сообщающих о потребности семейств в няньках и гувернантках. Так, в одном из них требовалась «пожилая женщина или даже старушка к двум детям-девочкам. Жалованье 5 руб. Адрес в редакции. Нужны рекомендации» [18]. «Ищут немку-гувернантку, подходящую для занятий с детьми. Введенская ул.», — сообщали в другом объявлении [19].

Хотя автор уже упоминаемого фельетона соглашался, что на «действительный и святой труд, каковым является нянченье детей, — охотниц совсем мало!» [20, с. 2], тем не менее он же констатировал, что «прислуга нередко жестоко обращается с детьми во время отсутствия родителей и подобные безобразные сцены нередко происходят на улицах». В качестве контрмеры следовало «надзор за няньками» поручить специальным «надзирателям или даже полиции» [20, с. 4]. Примером мог служить Саратов, где полицмейстер издал специальный указ: «Ввиду часто повторяющихся случаев, когда няньки позволяют себе дерзко обращаться на улице с отданными им на попечение детьми, предписываю гг. приставам вменить в обязанность полицейским чинам надзор за прислугой, гуляющей с детьми, и в случае подобного обращения с ними велено узнавать фамилию прислуги, а также и фамилию хозяев, у которых она живет. О каждом подобном случае мне докладывать для сообщения родителям» [20, с. 4].

В итоге выход из «тихой войны» между прислугой и их хозяевами в пореформенный период был возможен только через жесткий внешний контроль за деятельностью слуг и четкое законодательное определение прав и обязанностей прислуги, в результате чего между воюющими сторонами должны были установиться понятные и вполне определенные правовые отношения, исключающие произвол как с одной, так и с другой стороны.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Список использованных источников и литературы

1. Бродская Д. Марийкино детство. М. : Гос. изд-во детской литературы М-ва просвещения РСФСР, 1956. 247 с.
2. Вахромеева О. Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.
3. Верemenko В. А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 1. С. 181—191.
4. Верemenko В. А. «Дура в доме» — женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX — начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». М., 2013. С. 241—273.
5. Верemenko В. А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX — начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3-1. С. 37—40.
6. Верemenko В. А. «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 4. С. 82—89.
7. Верemenko В. А. Организация найма прислуги в городах России во второй половине XIX — начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2014. С. 87—96.

8. Веремченко В. А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX — начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.) : материалы междунар. науч. конф., 16—18 марта 2017 г. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 315—323.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 8791.
10. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 8672.
11. Дедлов (Кигн) В. Л. Из поселков в Троицк // Дедлов (Кигн) В. Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб. : М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 66—78.
12. Дедлов (Кигн) В. Л. Курьезы // Дедлов (Кигн) В. Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб. : М. М. Ледерле и К°, 1894. С. 156—181.
13. К-в. Раскрепощение прислуги // Огонек. 1908. № 47.
14. Клоц А. Р. Домашняя прислуга как объект исторического исследования в англоязычной историографии второй половины XX века // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (17). С. 75—80.
15. Коломийцова Н. А. Необходимая настольная книга для молодых хозяек. Общеизвестный дешевый и вкусный стол, 654 рецепта общеупотребительных постных и скоромных блюд. 3-е изд. СПб. : Изд. В. В. Лепехина и Т. Ф. Кузина, 1891. xxxii, 558, xxv с.
16. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург: Историко-статистический очерк. СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1878. 61 с.
17. Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, фортом Александровским и дорогой через киргизскую степь до форта № 1. СПб. : Тип. Н. Тиблина и К° (Н. Неклюдова), 1866. 110 с.
18. Оренбургская газета. 1901. № 1116.
19. Оренбургская газета. 1901. № 1251.
20. Оренбургская газета. 1901. № 1281.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб. : Тип. Т-ва Художественной печати, 1905. 198 с.
22. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., 1890. xxxvi, 85, 39 с.
23. Самарина Л. А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 77—89.
24. Синова И. В. Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX — начале XX в.: от предпринимательства к государственной службе // Горожане и горожанки в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков : материалы Одиннадцатой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 окт. 2018 г. : в 2 т. Нижний Новгород, 2018. Т. 1. С. 20—22.
25. Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. С. VII—XX.

Поступила в редакцию 10.10.2018

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент
 Оренбургский государственный педагогический университет
 Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: ida777@yandex.ru

UDC 94(47).08

E. V. Burlutskaya (Bannikova)

«...The servants, who are extremely spoiled here, live in their own way». Female domestic workers in the province during the post-reform period

The article is focused on domestic work service as a field of employment for townswomen of the post-reform period. It is based mostly on the information about Orenburg Governorate in the 19th and 20th centuries. Statistical data, narratives, archival documents, periodicals of the beginning of the 20th century, works of fiction are used as sources for this study. It is primarily focused on the occupational activities in the everyday life of female domestic workers. The author states that there was a high percentage of female workers in this field of employment. The study uncovers sources of conflicts between servants and employers, difficulties and problems associated with the professional activity of servants. It is concluded that there were significant differences in the everyday life of different categories of domestic workers.

Key words: daily life, townswomen, post-reform period, work, female servants.

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

References

1. Brodskaya D. *Mariikino detstvo* [Mariyka's childhood]. Moscow, Gos. izd-vo detskoj literatury M-va prosveshcheniya RSFSR Publ., 1956. 247 p. (In Russian)
2. Vakhromeeva O. B. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge v kontse XIX — nachale XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The socio-economic situation of women in St. Petersburg in the late XIX — early XX century. Abstr. Dr. Dis.]. St. Petersburg, 2009. (In Russian)
3. Veremenko V. A. Domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2013, no. 1, pp. 181—191. (In Russian)
4. Veremenko V. A. “Dura v dome” — zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [“Fool in the house” is a female domestic servant in the noble families of Russia in the second half of the XIX — beginning of the XX centuries]. *Al'manakh gendernoi istorii “Adam i Eva”* [Almanac of gender history “Adam and Eve”]. Moscow, 2013, pp. 241—273. (In Russian)
5. Veremenko V. A. Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.: sostoyanie zdorov'ya i faktory professional'noi zaboлеваemosti [Female domestic helpers in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries: state of health and factors of occupational morbidity]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 19, no. 3-1, pp. 37—40. (In Russian)
6. Veremenko V. A. “Nichtozhnye” i “blagorodnye”: obshchestvennaya diskussiya o domashnei prisluge nakanune otmeny krepostnogo prava v Rossii [“Insignificant” and “noble”: a public discussion about domestic servants on the eve of the abolition of serfdom in Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2013, vol. 4, no. 4, pp. 82—89. (In Russian)
7. Veremenko V. A. Organizatsiya naima prislugi v gorodakh Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The organization of hiring servants in the cities of Russia in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Modernization in Russia: history, politics, education. Proceed. of All-Russian sci. conf. with Internat. participation]. St. Petersburg, 2014, pp. 87—96. (In Russian)
8. Veremenko V. A. Khozyaika na kuchne: adaptatsionnye praktiki v zhizni rossiiskoi dvoryanskoi sem'i vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Ekstremal'noe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoi revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch.*

- konf.*, 16—18 marta 2017 g. [Extreme in the daily life of the population of Russia: history and modernity (on the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917). Proceed. of the Internat. sci. conf., March 16—18, 2017]. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2017, pp. 315—323. (In Russian)
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. 173. Op. 5. D. 8791.
10. GAOO. F. 173. Op. 5. D. 8672.
11. Dedlov (Kign) V. L. Iz poselkov v Troitsk [From villages to Troitsk]. Dedlov (Kign) V. L. *Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki* [Migrants and new places. Travel notes]. St. Petersburg, M. M. Lederle i K^o Publ., 1894, pp. 66—78. (In Russian)
12. Dedlov (Kign) V. L. Kur'ezy [Curiosities]. Dedlov (Kign) V. L. *Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki* [Migrants and new places. Travel notes]. St. Petersburg, M. M. Lederle i K^o Publ., 1894, pp. 156—181. (In Russian)
13. K-v. Raskreposhchenie prislugi [The emancipation of servants]. *Ogonek*, 1908, no. 47. (In Russian)
14. Klots A. R. Domashnyaya prisluga kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya v angloyazychnoi istoriografii vtoroi poloviny XX veka [Domestic servants as an object of historical research in English historiography of the second half of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta — Perm University Herald*, 2011, is. 3 (17), pp. 75—80. (In Russian)
15. Kolomiitsova N. A. *Neobkhodimaya nastol'naya kniga dlya molodykh khozyaek. Obshchedostupnyi deshevyi i vkusnyi stol, 654 retsepta obshcheupotrebitel'nykh postnykh i skoromnykh blyud* [Necessary reference book for young hostesses. An accessible, cheap and tasty table, 654 recipes of commonly used Lenten and ambitious dishes]. 3rd ed. St. Petersburg, Izd. V. V. Lepekhina i T. F. Kuzina Publ., 1891. xxxii, 558, xxv p. (In Russian)
16. Lobysevich F. I. *Gorod Orenburg: Istoriko-statisticheskii ocherk* [Orenburg City: Historical Statistical Essay]. St. Petersburg, Tip. E. Goppe Publ., 1878. 61 p. (In Russian)
17. Mikhailov M. *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchikh oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troitskom, fortom Aleksandrovskim i dorogoi cherez kirgizskuyu step' do forta № 1* [Orenburg letters for those wishing to familiarize themselves with Orenburg, Orsk, Troitsky, Fort Alexander and the road through the Kyrgyz steppe to the fort number 1]. St. Petersburg, Tip. N. Tiblena i K^o (N. Neklyudova) Publ., 1866. 110 p. (In Russian)
18. *Orenburgskaya gazeta*, 1901, no. 1116.
19. *Orenburgskaya gazeta*, 1901, no. 1251.
20. *Orenburgskaya gazeta*, 1901, no. 1281.
21. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD. Tom XXVIII: Orenburgskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Volume XXVIII: Orenburg Province]. St. Petersburg, Tip. T-va Khudozhestvennoi pechati Publ., 1905. 198 p. (In Russian)
22. *Prostitutsiya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g.* [Prostitution survey on August 1, 1889]. St. Petersburg, 1890. xxxvi, 85, 39 p. (In Russian)
23. Samarina L. A. “Merzavtsy vse krali”: vorovstvo sredi domashnei prislugi v Rossii vtoroi poloviny XIX v. [“The bastards stole everything”: theft among domestic servants in Russia in the second half of the 19th century]. *Istoriya povsednevnosti — History of Everyday Life*, 2017, no. 1 (3), pp. 77—89. (In Russian)
24. Sinova I. V. Professional'naya zanyatost' gorozhanok vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: ot predprinimatel'stva k gosudarstvennoi sluzhbe [Professional employment of urban women in the second half of the XIX — early XX century: from business to public service]. *Gorozhane i gorozhanki v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'urnykh protsessakh rossiiskoi urbanizatsii XIV—XXI vekov: materialy Odinnadtsatoi mezhdunar. nauch. konf. RAIZhI i IEA RAN, 4—7 okt. 2018 g.: v 2 t.* [Citizens and urban women in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization of the XIV—XXI centuries. Proceed. of the 11th Internat. sci. conf. RAIZHI and IEA RAS, Oct. 4—7, 2018: in 2 vol.]. Nizhnii Novgorod, 2018, vol. 1, pp. 20—22. (In Russian)
25. Stepanov V. Kratkii obzor tsifrovyykh dannykh po Orenburgskoi gubernii [A brief review of digital data on the Orenburg province]. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta* [First Universal Census of the Russian Empire, 1897. Publication of the Central Statistical Committee]. St. Petersburg, 1905, vol. XXVIII: Orenburgskaya guberniya, pp. VII—XX. (In Russian)